

Глава 30. Смятение не унять

Фу Линцзюню приснился сон.

Небо было мрачным. Чёрные тучи нависали всё ниже и ниже.

Он шёл по грязной дороге, сплошь заросшей колючками. С каждым шагом к нему тянулись костлявые, окровавленные руки, будто пытались утянуть его за собой в ад.

К такому ощущению Фу Линцзюнь давно привык. В этом гнетущем, замкнутом, сгнившем кладбище были только резкая боль и бесконечный холод, без усталости рвущий его душу на части.

От привычки он почти не чувствовал, насколько это тяжело. Просто позволял ледяному холоду постепенно впитываться в тело, начиная с кончиков пальцев ног и поднимаясь всё выше, пока тот не добирался до его всё ещё бьющегося, всё ещё горячего сердца.

Ему было просто немного холодно.

Он всё ещё оставался живым человеком. А всё, что хотело прильнуть к его костям и прорасти в них, было лишь ледяными, исполненными обиды духами. Его тело не могло вынести их столько, и потому начало покрываться льдом, а весь его мир постепенно обнесли толстые ледяные стены.

Иней медленно полз вверх от ступней. Мороз слой за слоем укрывал тело, а горячее, живое сердце будто клало в ледник, пока оно совсем не коченело и не немело.

И вдруг сквозь этот холод чьи-то тёплые руки коснулись его губ, носа, глаз, ушей и волос.

Эти руки были мягкими и тёплыми, как нагретая вода, как хлопок, долго лежавший под солнцем, и пахли тем особенным сладким теплом, которое бывает только у солнечного света.

Израженная душа словно укрылась мягкими усиками. Они очень осторожно, очень бережно касались его.

Фу Линцзюнь всегда был настороже. Всё, что приближалось к нему, он замечал с такой чуткостью, что почти отталкивал сам факт чужого присутствия. Но почему-то против этих мягких усиков он совсем не выставил защиты.

Словно они уже соприкасались раньше и давно смешались друг с другом.

Эти усики были слабыми до жалости, но в них таилась вся нежность мира. Рассудок и мысли

следовали за ними по всему телу, и каждое касание рождало сладкую дрожь.

Ужасные руки, державшие его за ноги, медленно разжались. Онемевший холод понемногу растаял под этой мягкостью. В его мире поднялся ветер. Он растопил лёд, сковывавший его, принёс семена и надежду. Через это небо пронесли птицы, и на бесплодной, выжженной пустоши вдруг расцвёл нежный цветок.

В сердце Фу Линцзюня поселился зверь по имени жадность. Ему захотелось ещё. Ещё этого крошечного тепла. Ещё того сладкого онемения, которым откликнулась душа, стоило только оказаться рядом.

И во сне он всё крепче прижимал к себе того, кто лежал у него в руках.

Мир пробуждался. Несколько воробьёв вспорхнули на оконную раму, прыгая и чирикая. За окном багряная лагерстремия цвела так пышно, будто её лепестки вымочили в румянах. Чистая капля росы скатилась вниз и с лёгким стуком ударилась о дерево.

Человек в комнате, спящий внутри балдахина, будто шевельнулся.

Мягкий дневной свет понемногу вползал из окна внутрь, словно хотел заглянуть за занавеси и посмотреть на сплетённые тени.

Фу Линцзюнь так давно не спал хорошо. И никогда прежде не считал сон приятным занятием.

Тысячи лет непрерывных мучений приучили его к одному: стоит закрыть глаза, и перед ним вспыхивает выжженная кровавая земля. Плотная кровь испаряется в огне и впитывается в его мир. Давление, кровь, борьба, мёртвая тишина. Поэтому он никогда не понимал, как та маленькая пушистая штука умудряется день-деньской спать, раскинувшись на все четыре лапы.

Но сейчас всё было иначе. Его будто стиснул нагретый солнцем хлопок и отдал ему всю мягкость, весь аромат, сплетя из них один долгий сладкий сон.

Он медленно открыл глаза и по привычке провёл рукой по гладкому, тонкому телу, которое прижимал к себе. По спине, ниже, к мягкой талии.

И тут Фу Линцзюнь застыл.

Перед глазами на несколько мгновений всё расплылось. А потом в поле зрения всплыло спящее лицо.

Очень белое. Очень красивое.

Из-за того, что Фу Линцзюнь пошевелился, спящий рядом человек, кажется, беспокойно заёрзал. Длинные загнутые ресницы дрогнули, словно пара готовых вспорхнуть бабочек. Цвет лица был хорошим, кожа — нежно-розовой, живой и здоровой, а губы влажно алели, оставаясь единственным по-настоящему ярким пятном на всём лице.

Фу Линцзюнь моргнул.

В следующую секунду он резко сел и толкнул лежащего на постели человека в сторону.

Тот дважды перекатился по кровати.

Его волосы, более светлые, чем у обычных людей, очень добросовестно облепили почти всё тело. Снаружи осталась только одна белая, тонкая, мягкая, гладкая голень.

— Мм, — обиженно пробормотал спящий, и звук вышел сладким, мягким.

Фу Линцзюнь молча сглотнул.

За всю свою многотысячелетнюю жизнь он ещё никогда не испытывал такого беспорядка в мыслях.

Он мгновенно сообразил, что произошло ночью. Но как ни пытался, не мог понять, почему после одного сна рядом с ним на постели вдруг оказался обнажённый человек.

С окаменевшим телом он просидел на кровати почти всё время одной чашки чая и лишь потом вдруг вспомнил кое-что важное. Его взгляд медленно сместился туда, где вчера на подушке лежал пушистый комочек.

Того зверька, что спал, развалившись во все стороны, не было. Вместо него рядом лежал человек, который и во сне вёл себя совсем не смирно.

В воздухе всё ещё тянуло сладким ароматом. С одной стороны, этот запах успокаивал душу, которая после пробуждения привычно начинала метаться. С другой — именно из-за него она вибрировала ещё сильнее.

— Глупая собака, — голос у него в горле почему-то стал чуть суше.

Спящий человек бессознательно отозвался не словом и не фразой, а знакомым:

— И-у-у.

Ветер качнул балдахин и скользнул по лицу Фу Линцзюня.

По его телу растекалось странное ощущение. Оно не причиняло боли, но было совершенно незнакомым. Почти таким же, как в тот раз, когда пушистый комочек впервые лизнул его в ладонь и от ладони по всему телу разошлось мягкое, приятное онемение. Теперь оно снова и снова распространялось до самых кончиков пальцев.

Фу Линцзюнь спустился с постели немного неуклюже и с мрачным лицом очень быстро натянул сапоги.

По инерции он сделал к двери два широких шага, потом вдруг остановился, сорвал с себя чёрный халат и, не оборачиваясь, бросил его на человека на постели.

Уходил он быстро.

И чем быстрее шёл, тем сильнее путались мысли, словно кто-то схватил клубок нитей, спутал их в один ком и силой вытащил его из привычного, понятного мира в совершенно новый.

Лишь когда он врезался в утреннюю толпу, когда мимо потянулись недовольные культиваторы, когда с обеих сторон улицы снова донеслись крики торговцев, шаги и птичий щебет на крышах, он понемногу начал приходить в себя.

Он надолго застыл прямо посреди дороги.

Проходившие мимо культиваторы один за другим оборачивались на человека, вставшего столбом в центре улицы. Некоторые, кому он перегородил путь, хотели было развернуться и поругаться, но, почувствовав холодную ауру юноши, тут же передумали и, скривившись, молча его обошли.

— Что за человек такой... — только отойдя подальше, кто-то осмелился буркнуть себе под нос.
— Морда такая, будто ему кто-то десять тысяч духовных камней задолжал.

Лишь спустя долгое время Фу Линцзюнь с трудом сдвинулся с места и пошёл к лавке готового платья, которую заметил ещё вчера.

Рано утром хозяйка этой лавки только-только открыла дверь, зевая и прикидывая, не подремать ли немного на пороге, как тут же получила первого посетителя.

Посетителя с очень недовольным лицом.

У неё от неожиданности даже сердце дёрнулось.

Она потёрла нос, решила не бросаться с вежливой рекламой товара и просто снова свернулась на стуле у входа, молча глядя на поднимающееся над областью Цянькунь солнце.

Фу Линцзюнь в одиночестве бродил по лавке и безо всякой цели перебирал одежду.

Сколько бы он ни пытался ни о чём не думать, тело уже само честно привело его в эту лавку. Более того, стоило взгляду задержаться хоть на одной вещи, как в голове тут же всплывало то красивое лицо. Подойдёт ли ему это? Будет ли ему в этом хорошо?

Красный был слишком ярким. Глупая собака и без того красива, а в красном будет выглядеть слишком уж броско. Чёрный — слишком мрачным и не подчеркнёт хорошего цвета лица. Белый — слишком прост, да и глупая собака вечно обо всё трётся и быстро его испачкает. Жёлтый — чересчур кокетливым. Зелёный — слишком вульгарным...

Он прошёл круг за кругом и в конце концов окончательно убедился, что все эти кричащие цвета не подходят. Точнее, недостойны того лица. Поэтому, обойдя лавку ещё несколько раз, он так и не выбрал ни одной вещи.

Хозяйка лавки, которой с самого утра достался этот проблемный покупатель: ...

Слушая, как он уже восьмой раз ходит туда-сюда по маленькому помещению и явно не собирается останавливаться, она всё же не выдержала. Вздохнула, встала и подошла на пару шагов ближе.

— Даос, что именно вы хотите купить? Может... мне вам подобрать?

Фу Линцзюнь остановился, как раз собираясь начать девятый круг.

Он слегка деревянно повернул голову. Лицо у него было ледяным. Но он всё-таки кивнул.

Хозяйка чуть заметно выдохнула и уже куда бодрее спросила:

— Вам нужна мужская одежда или женская? Если женская, у меня как раз пришла новая партия платьев из тончайшей ткани с Южного огненного континента. На вид она совсем прозрачная, но под солнцем отликает мягкими семицветными переливами. Очень красиво и необычно. Ни одна заклинительница, что заглядывала ко мне, не уходила без восторга. Желаете посмотреть?

Ей и правда ничего другого в голову не пришло. Слишком уж трудно было понять, почему взрослый мужчина приходит с утра в лавку за одеждой и при этом выглядит так, будто сейчас кого-нибудь убьёт.

Поэтому она мигом сочинила в голове бурную историю про ночную страсть, после которой этот грубоватый гость порвал девушке платье, был с утра спихнут с постели и выгнан за новой одеждой.

Подумав об этом, хозяйка украдкой снова глянула на покупателя.

Ну и ну. Телосложение такое, характер явно плохой, с виду грубоват, ещё и не красавец. Это ж насколько у девушки должен был отказать глаз, чтобы выбрать такого.

Правда, взгляд тут же сам собой опустился к жемчужине Нахай у него на поясе. Ну... ладно. Не без достоинств.

Фу Линцзюнь, тот самый грубый, мрачный, не особенно красивый, но богатый мужчина, снова оказался поставлен в тупик её словами.

Не потому, что его раздражала навязчивая торговля. Просто она угодила прямо в ту мысль, из-за которой он уже восемь кругов ходил по лавке без результата.

Мужская одежда или женская?

Утром всё произошло слишком внезапно, а тот, кто лежал на кровати, был слишком красив. Когда Фу Линцзюнь впервые вошёл в лавку, он и правда смотрел главным образом на женскую одежду. Но сколько бы ни перебирал роскошных платьев, стоило представить в них то лицо, и всё казалось не тем. А вот когда взгляд падал на спокойные, изящные мужские наряды, он невольно думал, как же хорошо это лицо смотрелось бы в них.

Но он вовсе не знал, мужчина это был или женщина.

Волосы у того человека были очень длинными и густыми, при этом светлее обычных, с едва заметной дикой странностью. Возможно, именно она и делала его внешность такой двусмысленной.

И потом, тело, скрытое под волосами, он ведь толком не рассматривал. Просто в панике выскочил из комнаты, а уже потом начал мучительно думать о поле.

Помолчав немного, Фу Линцзюнь спросил:

— А если пол неизвестен?

Хозяйка лавки, которая считала, что видела в жизни уже всё: ???!!!

Глаза у неё округлились. Голос невольно взлетел вверх от изумления:

— Что? Даос не знает, мужчина это или женщина?!

Да как такое вообще возможно? Они ведь, судя по всему, уже спали вместе. Если дошло до того, что с самого утра пришлось срочно бежать за одеждой, то как этот с виду вполне вменяемый культиватор мог так и не понять, кто перед ним?

У него что, с восприятием что-то не так? Или глаза плохо видят?

В голове хозяйки мгновенно родилась целая пачка нездоровых и весьма нескромных картин. Потом она неуверенно выдавила:

— Эм... тогда, может, даос возьмёт сразу несколько... и дома даст ему или ей примерить?

Эта мысль наконец пробила Фу Линцзюню дорогу сквозь бесконечную путаницу.

И правда. Какая разница, мужчина это или женщина? Надо просто купить побольше вещей и принести обратно. Поэтому он указал сразу на несколько мужских нарядов, которые отметил про себя, и на несколько неброских женских платьев.

— Эти.

Всего набралось почти двадцать вещей.

Хозяйка лавки, которой с утра так неожиданно привалило большое дело, тут же расцвела и спросила:

— А какой нужен размер?

И этот вопрос опять загнал Фу Линцзюню в тупик.

Он кое-как по памяти показал руками рост того человека, которого ночью прижимал к себе. Тот был не слишком высоким, примерно чуть выше его плеча.

— Примерно вот такой, — деревянно показал он на высоту собственного плеча. — И довольно тонкий.

Хозяйка сразу всё поняла. Такой рост подходил либо юноше, либо достаточно высокой женщине. Она по-деловому вытащила из шкафов подходящую одежду и одну за другой сложила её на прилавок.

— Даос, вот эта юбка с широкими рукавами стоит... дороговато. Пятьсот духовных камней. А вот этот мужской сине-морской халат украшен кожей серебряного водяного дракона. Её там немного, но всё равно выходит шестьсот... и ещё вот этот...

Она тревожно посматривала на Фу Линцзюня. Уж слишком у большого клиента оказался специфический вкус. Он умудрился выбрать чуть ли не все самые дорогие вещи в лавке, и хозяйка уже боялась, что сейчас он просто развернётся и уйдёт.

Восемнадцать комплектов одежды. Всего четыре тысячи триста духовных камней. За такую сумму можно было бы купить неплохие духовные мечи десятерым ученикам Дао и ещё на год вперёд обеспечить каждого пилюлями для практики.

На вид грубый и мрачный гость достал из жемчужины Нахай пять духовных камней высшего ранга, положил их на стол, забрал сложенную одежду и, даже не дожидаясь сдачи, поспешно ушёл.

Хозяйка лавки: !

Чистая прибыль в семьсот духовных камней. И всё это просто за то, что она немного поговорила с ним с утра пораньше.

Кто бы ни был тот культиватор неизвестного пола, вкус у него и правда великолепный. Где вообще таких находят? Высокий, складный, при деньгах, ещё и так балует любимого человека. У-у-у, сегодня она опять завидовала чужой сладкой любви.

Фу Линцзюнь, тот самый высокий, складный, богатый и якобы балующий любимого, после покупки одежды поспешно вернулся в трактир, где они переночевали.

Сян Син уже проснулся. Увидев, что тот поднимается вверх, он растерянно спросил:

— Хозяин. Сяо Бай. Где? Утро. Проголодается. Сяо Баю. Есть.

Сам Сян Син в еде не нуждался, но не мог пропустить ни одного зрелища чужой еды. Он с надеждой посмотрел в руки Фу Линцзюня, но никакой белой собачки там не было.

Хотя ничего и не произошло, Фу Линцзюнь всё равно почему-то ощутил необъяснимую неловкость и едва заметно сглотнул.

Он махнул рукой, давая Сян Сину знак отойти подальше, а затем поспешно толкнул дверь своей комнаты и закрылся внутри.

Здоровяк так и остался стоять снаружи в полном недоумении.

— Хозяин. Почему. Лицо красное.

Через незакрытое окно в комнату лился тёплый солнечный свет.

За балдахином, который слегка колыхал ветер, всё ещё смутно виднелся чёрный халат, оставленный им утром.

Фу Линцзюнь остановился у двери на миг, потом медленно подошёл и отдёрнул полог. Но того, кто должен был лежать под его халатом, уже не было.

— Глупая собака? — в его голосе мелькнула паника. Он рефлекторно сдёрнул халат.

На мягкой постели, развалившись во все стороны, лежал белый пушистый зверёк размером с ладонь.

Похоже, ткань он сорвал слишком резко, и спящий зверёк проснулся. Мягко перевернувшись, он потёрся о его руку. Большие пушистые уши и мокрый нос ткнулись ему в ладонь, вызвав ещё одну волну сладкой дрожи.

— И-у-у, — Цзян Тан прекрасно выспался и даже крошечно зевнул.

А в следующую секунду кто-то ткнул его в голову, и он перевернулся на постели.

Подняв глаза, он увидел, что Фу Линцзюнь уже отдёрнул руку, а на лице у него по-прежнему было тёмное, очень недовольное выражение.

Примечание автора:

На самом деле изначальное вдохновение для этой книги мне дала Золушка, которая в полночь снова превращается в исходную форму. Наш Тан-Тан — это Цзян Золушка Тан, человек по Шрёдингеру.

<http://bllate.org/book/17032/1603447>